

ЗНАЧЕНИЕ ГРУППОВОЙ ПРИВАТНОСТИ ПУБЛИЧНЫХ ФИГУР В ПРОТИВОСТОЯНИИ ПРАВА НА ЧАСТНУЮ ЖИЗНЬ И СВОБОДЫ СЛОВА¹

THE MEANING OF GROUP PRIVACY OF PUBLIC FIGURES IN THE CONFRONTATION OF RIGHT TO PRIVATE LIFE AND FREEDOM OF SPEECH²

Алёна Игоревна ГЕРАЩЕНКО

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики, Москва, Россия; «Ай-Теко»,
Москва, Россия,
alena_gerashchenko@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2246-1890>

Информация об авторе

А.И. Герашенко — аспирантка, преподаватель Департамента права цифровых технологий и биоправа Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», юрист, эксперт в области приватности и информационной безопасности АО «Ай-Теко», член RPPA

Аннотация. В эпоху развития цифровой среды конфликт между правом на частную жизнь и свободой слова становится более ярким. Данное противостояние бросает вызов юристу в части определения более значимого в каждом кейсе права и порождает немало неясностей в законотворческой деятельности и правоприменительной практике. Проблема, освещаемая в статье, заключается в отсутствии четкого правового регулирования в сфере выделения категорий субъектов персональных данных и в добровольно принятой на себя уязвимости публичных фигур. Автор указывает на значимость явления «групповая приватность» и на непроработанность подхо-

- дов в регулировании защиты персональных данных групп лиц, чья частная жизнь стала наиболее уязвимой в силу социальных, объективных фактов. К таким группам в том числе относится группа публичных фигур.

- Чтобы внести ясность в сферу обработки персональных данных таких субъектов, автор предлагает ввести в законодательство о защите персональных данных категорию «группа субъектов персональных данных, подлежащих особой защите». В эту группу предлагается включить публичных фигур, а также инвалидов, пенсионеров — лиц преклонного возраста. Автор ставит следующие задачи: 1) исследовать явление «групповой приватности», 2) определить категорию «публичные фигуры», 3) предпринять попытку примирить право на защиту персональных данных и свободу слова. Автор использует формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод и философский подход.

- Автор предлагает обязать операторов разрабатывать и публиковать особые политики обработки персональных данных групп субъектов, подлежащих особой защите. Такой подход будет способствовать большей прозрачности обработки персональных данных, осведомленности операторов персональных данных о сложностях, связанных с обработкой данных таких групп субъектов, и рисках работы с ними, а также повышению осведомленности общества о значимости защиты частной жизни.

- **Ключевые слова:** публичная фигура, групповая приватность, право на частную жизнь, свобода слова, персональные данные

- **Для цитирования:** Герашенко А.И. Значение групповой приватности публичных фигур в противостоянии

¹ Автор выражает огромную благодарность научному руководителю Аните Карловне Соболевой, коллегам и, конечно же, родным и близким за вдохновение для этого исследования и поддержку.

² The author expresses her deep gratitude to the supervisor Anita Karlovna Soboleva, colleagues and, of course, dearest persons for the inspiration for this study and support.

права на частную жизнь и свободы слова // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 40, № 1. С. 20–28;
DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14213>

Alyona I. GERASHCHENKO

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia; I-Teco, Moscow, Russia,
alena_gerashchenko@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2246-1890>

Information about the author

A.I. Gerashchenko — post-graduate student, lecturer of the Department of Cyber-law and Bio-law at National Research University “Higher School of Economics”, lawyer in the field of cyber security, privacy-expert at JSC I-Teco, member of RPPA

Abstract. In the context of constant development of the digital environment, the conflict between the right to privacy and freedom of speech becomes more and more obvious. This confrontation challenges the lawyer in terms of determining the more significant right on case by case basis and gives rise to many ambiguities in law-making and law enforcement practice. The problem raised in the article is the lack of clear legal regulation in the sphere of categorization of personal data subjects and in the voluntary assumed vulnerability of public figures. Within the article, the author points out the importance of the phenomenon of “group privacy” and the lack of elaboration of approaches in regulating the protection of personal data of groups of persons whose private life has become the most vulnerable due to societal, objective facts. Such groups include, among other things, a group of public figures.

In order to clarify the scope of the processing of personal data of such subjects, the author proposes to introduce the category “a group of personal subjects subject to special protection” into the legislation on the protection of personal data. This group shall include public figures, as well as the disabled, elderly pensioners. The author sets the aims 1) to investigate the phenomenon of “group privacy”, 2) to define the category of “public figures”, 3) to make an attempt to reconcile the right to protection of personal data and freedom of speech. Methods used by the author include formal legal method, comparative legal method and philosophical approach.

The result of the article is the author’s proposal to oblige operators to develop and publish special policies for the processing of personal data of groups of personal subjects subject to special protection. The author concludes that this approach will contribute to greater transparency in

- the processing of personal data, to the increase of greater
- awareness of personal data operators about the difficulties
- associated with the processing of data of such groups of
- subjects and the risks of working with them, and also, to the
- increase of general public awareness of the importance of
- protecting privacy.

- **Keywords:** public figure, group privacy, right to private life, freedom of speech, personal data, defamation

- **For citation:** Gerashchenko A.I. The meaning of group privacy of public figures in the confrontation of right to private life and freedom of speech // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2022. Vol. 40 (1). P. 20–28;
DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14213>

ВВЕДЕНИЕ

В статьях и монографиях все чаще пишут о том, что люди и их персональные данные — это «новая нефть» [1], а также о том, что «право на частную жизнь мертво» [2, 3]. Эти высказывания не противоречат друг другу: источником дохода субъектов предпринимательства в эпоху цифровизации является информация о потребителях, для СМИ — информация о героях репортажей и расследований (например, о публичных фигурах) и потребителях (читателях, целевой аудитории).

Право на частную жизнь, например на защиту персональных данных, не является абсолютным, как и право на свободу слова. Так, когда СМИ публикует материал с персональными данными, собранными в рамках журналистского исследования, сталкиваются два неабсолютных права: право на частную жизнь и право на свободу слова. Между этими конкурирующими правами всегда ищут баланс суды [4].

Выскажу гипотезу, что приватность носит зачастую групповой характер, поэтому необходимо выделить публичные фигуры в отдельную категорию субъектов персональных данных, обладающую групповой приватностью.

Проблема заключается в отсутствии четкого правового регулирования в сфере выделения категорий субъектов персональных данных и в добровольно принятой на себя уязвимости публичных фигур. Уязвимость данной группы заключается в согласии с сужением границ частной жизни в пользу удовлетворения публичных интересов.

Представляется необходимым разработать для операторов персональных данных рекомендации по составлению отдельных политик обработки персональных данных субъектов, уязвимых в силу правового статуса, например публичных фигур, а также иных групп субъектов, чья частная жизнь подвержена большим угрозам.

КТО ТАКИЕ «ПУБЛИЧНЫЕ ФИГУРЫ»?

Публичная фигура, как закреплено в § 7 Resolution 1165 (1998) Right to Privacy [10], — это «лицо, которое занимает государственную должность и/или пользуется государственными ресурсами, а также то лицо,

которое играет определенную роль в общественной жизни, будь то в области политики, экономики, искусства, в социальной сфере, спорте или в любой иной области». В судебной доктрине США [см. дела *Barr v. Matteo*, 360 U.S. 564 (1959); *New York Times Co. v. Sullivan*, 376 U.S. 254 (1964); *Rosenblatt v. Baer*, 383 U.S. 75 (1966); *Curtis Publishing v. Butts*, 388 U.S. 130 (1967); *Gertz v. Robert Welch*, 418 U.S. 323 (1974); *Time, Inc. v. Firestone*, 424 U.S. 448 (1976)] и в Словении [5, с. 4] выделяют «публичные фигуры абсолютного (универсального) значения» и «публичные фигуры ограниченного значения».

В *Black's Law Dictionary* «универсальная публичная фигура» определяется как лицо, достигшее славы или печальной известности и ставшее публичной фигурой в любых средах для достижения любых целей, а также участвующее в любых дискуссиях. В *Congrus Juris Secundum* «публичная фигура ограниченного значения» представлена как «лицо, вовлеченное в обсуждение определенного публичного вопроса и достигшее славы или ставшее печально известным только в среде, в которой обсуждение данного вопроса имело значение».

Проблема заключается в том, что в XXI в. с развитием цифровой экономики, предоставлением каждому субъекту доступа к интернету категория публичных фигур становится настолько широкой, что ее трудно определить [6, с. 72-73]. Представляется, чтобы стать для начала «публичной фигурой ограниченного значения», лицу достаточно развить свой блог на тысячи подписчиков, набрать несколько тысяч лайков за комментарий или стать активно цитируемым пользователем с тысячами репостов публикации в Сети. Следующим этапом может быть приобретение статуса «универсальной публичной фигуры» — для этого субъекту нужно будет постараться привлечь больше внимания к своей персоне. Впрочем, доступность приобретения статуса публичной фигуры лишь служит подтверждением фактов расширения группы публичных фигур, учащения случаев судебных разбирательств, связанных с защитой персональных данных и репутации таких лиц и, следовательно, подтверждением необходимости разработки правового регулирования в отношении частной жизни публичных фигур.

ЧТО ТАКОЕ «ГРУППОВАЯ ПРИВАТНОСТЬ»?

С развитием использования больших данных (Big Data) частная жизнь субъекта обесценивается. Персональные данные одного субъекта — частной фигуры — в общем массиве мириад и мириад чисел сами по себе не представляют особой ценности. Однако вместе с другими идентичными данными других субъектов они могут обретать большую значимость. Во-первых, на основе данных схожих между собой субъектов легче изучать поведение группы лиц. Во-вторых, систематизированные данные похожих друг на друга субъектов легче обрабатывать.

Одно дело, когда мошенник, представившийся сотрудником Сбербанка, успешно крадет денежные средства с банковского счета 80-летней доверчивой женщины, и другое дело, когда этот же мошенник или группа мошенников совершают подобные операции в отношении тысячи пожилых граждан, не осведомленных о тонкостях информационной безопасности. В случаях подобного мошенничества нарушается право на частную жизнь и право на неприкосновенность собственности каждого из таких клиентов Сбербанка, но для злоумышленников важен не один субъект, а группа субъектов. Злоумышленники с помощью аналитических инструментов и искусственного интеллекта (ИИ) отфильтровывают среди большого массива данных персональные данные субъектов, входящих в ту или иную группу незащищенных граждан, более других подверженных негативному влиянию.

Негативному влиянию могут быть подвержены и публичные фигуры, потому что их данные ценнее, а пределы частной жизни уже. Злоумышленнику будет интересно стать «коллекционером» данных политических деятелей, звезд кино и сцены, спортсменов и общественных деятелей — может быть, их число меньше, но ценность таких данных как поодиночке, так и в совокупности значительно выше. В таком контексте можно говорить о важности групповой приватности.

В действующем законодательстве Российской Федерации — в ч. 3 ст. 22 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» — есть требование к оператору указывать в уведомлении об обработке персональных данных «категории субъектов, персональные данные которых обрабатываются». В актах «мягкого права» содержатся рекомендации по определению категорий субъектов персональных данных. Например, в Рекомендациях по составлению документа, определяющего политику оператора в отношении обработки персональных данных, в порядке, установленном Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных тех-

нологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) постановила, что в Политике нужно указывать категории субъектов персональных данных [17].

Роскомнадзор в п. 3.1 Рекомендаций предлагает выделять такие категории субъектов персональных данных, как «1) работники оператора, бывшие работники, кандидаты на замещение вакантных должностей, а также родственники работников; 2) клиенты и контрагенты оператора (физические лица); 3) представители/работники клиентов и контрагентов оператора (юридических лиц)». Думается, это базовый пример групповой приватности. Классифицируя субъектов по категориям в Политике (и в уведомлении), оператор тем самым ставит Регулятора в известность о том, чьи данные и на каких правовых основаниях он обрабатывает.

При этом редкий оператор выделяет группы субъектов персональных данных по критерию обработки особо чувствительных персональных данных. Он может выделять специальные категории персональных данных, касающиеся расовой, национальной принадлежности, политических взглядов, религиозных или философских убеждений, состояния здоровья, интимной жизни. Их обработка регламентирована ст. 10 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [18]. Категориям субъектов персональных данных законодатель уделяет мало внимания.

При этом возникает потребность в защите персональных данных разных групп населения — детей, пожилых людей, потребителей автопрома, посетителей кофеен, пользователей услугами частных медицинских клиник — как со стороны самих субъектов, так и со стороны юридических лиц, для которых базы персональных данных становятся активами, отражаются на бухгалтерском учете, подлежат проверкам со стороны регуляторов. Одни группы выделить в глобальных национальных масштабах сложно (например, владельцев автомобилей определенного производителя), другие уже подвергаются особой защите со стороны законодателя (например, дети), а некоторые группы субъектов персональных данных с особым правовым статусом требуют особого же отношения к себе, но при этом защита их частной жизни отдается на усмотрение суда.

В число таких субъектов персональных данных входят и публичные фигуры (президенты, звезды эстрады, театра и кино, именитые ученые, выдающиеся спортсмены, политические и общественные деятели). Они тоже вовлечены в цифровой мир, пьют кофе по утрам в любимых кофейнях, пользуются IT-сервисами или предпочитают определенные марки автомобилей. Только границы вмешательства в частную

жизнь публичных фигур — способы использования их данных — шире, если информация представляет публичный интерес. Частная жизнь публичных фигур в силу добровольно приобретенного ими социального статуса уязвима.

В случае с группами пенсионеров или инвалидов, ограниченно дееспособных и правоспособных уязвимость возникает из-за независимых от них юридических фактов — достижения определенного возраста, получения травм, сказавшихся на ограничении возможностей субъекта защищать границы своей частной жизни.

Для лиц, частная жизнь которых наиболее уязвима и которые обладают особым правовым статусом, по нашему мнению, необходима наивысшая степень прозрачности документов, регламентирующих обработку их персональных данных. Такие специальные политики обработки персональных данных, по мнению Л. Камоури, Т. Баара, Дж. Беренса, Э. Лету, Дж. Мански, Дж. Палмера, Д. Сангокойя и П. Винка, должны разъяснять общественности, когда и как используются данные определенных категорий групп, как контролируются эти процессы [7, с. 237]. Одно дело отражать уязвимость данных в моделях угроз, издаваемых для локального использования оператором в соответствии с Методическим документом, утвержденным ФСТЭК России 5 февраля 2021 г. «Методика оценки угроз безопасности информации» и ориентированным на оценку антропогенных угроз безопасности информации, возникновение которых обусловлено действиями нарушителей [16], другое — доводить до сведения особых субъектов персональных данных, как ведется обработка, где гарантируется большая защита частной жизни, а где меньшая.

Выделение «групповой приватности» — это шаг навстречу большей ясности и прозрачности законодательства о защите информации и о персональных данных. Сам объект правового регулирования — персональные данные — неоднозначен. Определение персональных данных как «любой информации, относящейся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)», как это представлено в ст. 3 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», кажется расплывчатым, поскольку юристы, политики и обыватели не могут в итоге понять, какие виды информации представляют собой персональные данные, а какие нет — для этого нужно погружаться в контекст обработки такой информации.

Приведем пример: когда человек приобретает автомобиль, он также становится обладателем его VIN — идентификационного номера транспортного

средства. В Российской Федерации VIN сам по себе не признается персональными данными субъекта. Это абстрактный уникальный идентификационный номер транспортного средства из 17 символов, который используется для маркировки автомобиля производителем. При смене владельца машины VIN остается неизменным, так как принадлежит автомобилю, является технической информацией, идентифицирующей конкретное транспортное средство. Однако техническая информация об автомобиле вместе с персональными данными его владельца (лица, которому принадлежит автомобиль с момента передачи ему машины по договору купли-продажи) может считаться персональными данными. Так, номера транспортных средств могут квалифицироваться как персональные данные, а могут и не квалифицироваться как таковые при работе с ними в РФ: регуляторы и практики сохраняют спокойствие и просто констатируют, что всякая техническая информация, относящаяся к лицу, может квалифицироваться как личные данные. Любой случай такой ссылки должен оцениваться на индивидуальной основе.

СВОБОДА СЛОВА И ПУБЛИКАЦИЯ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ПУБЛИЧНЫХ ФИГУР

Право на свободу слова и выражения мнений гарантируется множеством международно-правовых и региональных нормативных актов. Его значимость признается в каждом демократическом государстве. Тем не менее оно по-прежнему остается в списке самых уязвимых прав: в соответствии со статистикой ЕСПЧ за период с 1959 по 2017 г. было выявлено 700 случаев нарушения права на свободу выражения (хотя это число значительно уступает количеству нарушений ст. 6 ЕКПЧ, гарантирующей право на справедливое судебное разбирательство).

Статистика обеспокоенности несоблюдением права на частную жизнь тоже неутешительна. В соответствии с исследованием PWC от 2018 г. «Защити меня: “Кибербезопасность, защита данных, конфиденциальность информации, доверие и регулирование. Всестороннее исследование предпочтений российских потребителей, их опасений, а также способов завоевать их доверие и привлечь на сторону компаний”» «85% потребителей считают, что риски, связанные с кибербезопасностью и защитой <их> данных, входят в число самых серьезных угроз, с которыми сталкивается современное общество».

Свобода слова и выражения мнений гарантируется Всеобщей декларацией прав человека, утвержденной Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. В ст. 19 Декларации закреплено право на сво-

боду убеждений, их свободное выражение [12]. Также в этой статье провозглашается, что каждый человек имеет право получать и распространять информацию любыми средствами без каких-либо территориальных ограничений.

3 сентября 1953 г. в силу вступила Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция, ЕКПЧ), в которой также провозглашено право на свободу выражения (ст. 10) и право на защиту частной и семейной жизни (ст. 8). Сегодня репутация признается Европейским судом по правам человека одной из составляющих частной жизни лица. Диффамация, умаление чести и достоинства лица, как и распространение не представляющих публичный интерес персональных данных публичных фигур, могут рассматриваться на фоне ст. 10 в качестве нарушения ст. 8 ЕКПЧ [14]. Подобное вмешательство, несомненно, бросает тень на добрые имена, репутации общественных, государственных деятелей.

На антагонизм частной жизни и права на свободу слова указал в 1967 г. судья Харлан в деле *Curtis Publishing Co. v. Butts*: «между свободой слова и СМИ и исками о клевете существует некоторая антитеза — клевета основывается на содержании речи и, таким образом, ограничивает свободу выражения мнения редактора, по крайней мере не позволяет ему публиковать материалы без достаточных правовых оснований и точного знания фактов» (388 U.S. 152).

Толкуя ст. 10 Конвенции, ЕСПЧ отмечает, что общество имеет право быть информированным о личных аспектах жизни публичной фигуры (через использование публично значимых персональных данных и оценочных суждений в отношении таких данных). Однако условия, оправдывающие вмешательство в частную жизнь такого лица, должны оцениваться в конкретном контексте каждого дела. Стоя на страже и частной жизни, и свободы слова, Европейский суд постоянно ищет между ними баланс, учитывая следующие факторы: 1) воздействие публикации на состояние дел, жизнь публичной фигуры и общественное мнение, 2) осведомленность общества об информации (или фотографии), если она уже была ранее раскрыта, 3) степень влияния на чувства лиц, имеющих отношение к публикации.

ЕСПЧ отмечает, что право на свободу выражения должно реализовываться умеренно: целью выражений должна быть критика, а не оскорбление. Хотя, безусловно, в политике грань между критикой и оскорблением становится размытой. Для того чтобы высказывания воспринимались как критические и защищались ст. 10 Конвенции, ЕСПЧ в деле *Андрушко против Российской Федерации* (№ 4260/04)

[11] отметил, что они должны сопровождаться объективными пояснениями, комментариями.

Особо значимым актом по теме защиты свободы слова и политической дискуссии является Декларация о свободе политической дискуссии СМИ, принятая 12 февраля 2004 г. на 872-м заседании Комитета министров Совета Европы. Декларация провозглашает свободу выражения мнений и распространения информации посредством СМИ, свободу критики государства и его институтов, свободу контроля за деятельностью политических деятелей и государственных должностных лиц, свободу сатирических выступлений [13]. В Декларации отмечается, что указанные публичные фигуры имеют право на частную жизнь, но ее аспекты могут раскрываться, если существует общественная обеспокоенность относительно того, как политики и государственные служащие исполняли или исполняют свои обязанности. В Декларации запрещается применение суровых мер наказания (вроде ареста) в отношении журналистов, даже если они причинили вред репутации публичной фигуры.

В Международном пакте о гражданских и политических правах, принятом в 1966 г. и вступившем в силу в 1976-м, в п. 2 и 3 ст. 19 также закреплено право каждого человека на свободное выражение своего мнения, поиск и распространение информации законными способами [15]. Пакт устанавливает необходимость ограничения этого права в целях уважения прав и репутации других лиц, охраны публичных интересов, государственной безопасности, общественного порядка, здоровья, нравственности населения.

Обратимся к американскому законодательству: первая из десяти поправок, составивших Билль о правах, была ратифицирована 15 декабря 1791 г. Она гласит, что «Конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению какой-либо религии или запрещающего свободное исповедание оной либо ограничивающего свободу слова или печати, либо право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями об удовлетворении жалоб».

Право на свободу слова борется с правом на частную жизнь, и чем активнее развивается цифровая среда и расширяются возможности выражения мнения, тем яростнее отстаиваются разные аспекты частной жизни — персональные данные, вопросы здоровья субъекта, репутационные интересы и пр. Противостояние этих прав рассматривается чаще в делах о диффамации.

Узкая и специфичная отрасль диффамационного права начала формироваться в США с 60-х гг. XX в. Профессор Гарвардской школы права Д.В. Ноэль писал, что к 1949 г. исков о диффамации было крайне мало. Однако, предвосхищая громогласные политические дискуссии, быстрое развитие медиасферы и по-

следующее увеличение числа исков о защите чести и достоинства, он критически оценивал высказывания ученых о том, что диффамационное право является собой «музей антиквариата, свойственный для стран общего права и неизвестный цивилизованному миру» [9, с. 875].

Подтвердило слова профессора Д.В. Ноэля решение по делу *Afro-American Publishing Co. v. Jaffe* (1965), где подчеркивалось, что «институт компенсации по делам о защите чести, достоинства — не историческая реликвия, но цивилизованное правовое средство, заменяющее собой акты насилия при разрешении споров о защите репутации». Годом позже в кейсе *Rosenblatt v. Baer* (1966) истец заявил, что «основу диффамационного права формируют общественно значимые ценности». В еще одном прецедентном решении (*Curtis Publishing v. Butts*, 1967) было отмечено, что «предотвращение диффамационных действий и необходимость денежной компенсации в случае диффамации полностью соответствуют общественным интересам».

Можно полагать, что предотвращение незаконного распространения персональных данных публичных фигур (их фотоизображений, потребительских предпочтений и пр.), т.е. распространение данных, не представляющих публичного интереса, и данных, не разрешенных субъектом для распространения с помощью специального согласия, также соответствует общественным интересам в части защиты института частной жизни.

Необходимость получения такого согласия возникла сравнительно недавно: Федеральным законом от 30 декабря 2020 г. № 519-ФЗ были внесены поправки в Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных», благодаря которым появились:

1) новый вид персональных данных — персональные данные, разрешенные субъектом персональных данных для распространения. Это персональные данные, доступ неограниченного круга лиц к которым предоставлен субъектом персональных данных путем дачи согласия на обработку персональных данных, разрешенных субъектом персональных данных для распространения в порядке, предусмотренном Федеральным законом № 152-ФЗ «О персональных данных»;

2) новые требования по работе с такими данными;

3) обязанность оператора персональных данных разрабатывать дополнительную форму согласия субъекта персональных данных на обработку персональных данных, разрешенных для распространения.

Предотвращение незаконного распространения персональных данных публичных фигур способно снизить количество судебных диффамационных исков — чем более осведомлены СМИ и операторы пер-

сональных данных в том, кто такие публичные фигуры и в каких случаях можно распространять данные без согласия или только с согласия субъектов, тем меньше вероятность нарушения и обращения публичной персоны за защитой своих репутационных интересов.

ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Учитывая изложенное и признавая значимую роль публичных фигур в обществе, расширение этой группы лиц, уязвимость их частной жизни, а также увеличение рисков нарушений частной жизни публичных фигур в связи с развитием цифровой среды и зависимость определения персональных данных от контекста, автор считает обоснованным выделение в законодательстве о защите персональных данных категории «групповая приватность» или «группы субъектов персональных данных, подлежащих особой защите». Представляется, что в отношении таких групп, чья частная жизнь наиболее уязвима в силу социетальных, объективных факторов (групп публичных фигур, инвалидов, пенсионеров — лиц преклонного возраста), но при этом право- и дееспособных (что позволяет исключить детей), оператора персональных данных можно обязать издавать наряду с общей политикой обработки персональных данных особые политики, ориентированные на защиту подобных лиц.

Такой подход, как было указано выше, способен 1) обеспечить прозрачность обработки данных категорий субъектов персональных данных, чья частная жизнь отличается особой хрупкостью; 2) обратить внимание операторов на необходимость более тщательного анализа кейсов, связанных с обработкой таких данных, и обязать их принимать необходимые дополнительные организационные и технические меры для их защиты в целях нахождения баланса между правом на частную жизнь и свободой слова.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Toonders J. Data is the new oil of the Digital Economy [Electronic Source]. — URL: <https://www.wired.com/insights/2014/07/data-new-oil-digital-economy/>
2. Froomkin A.M. The Death of Privacy? // Stanford Law Review. 2000. Vol. 52. P. 1461–1543.
3. Douzinas C. The End of Human Rights. Oxford: Hart Publishing, 2000.
4. Ovey C, White R. Jacobs and White: European Convention on Human Rights: 4th ed. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 241–298.
5. Musar N.P. Personal Data Protection in View of the Freedom of Expression and Protection of Privacy [Electronic Source]. — URL: <https://www.ip-rs.si/>

- fileadmin/user_upload/Pdf/clanki/Personal_data_protection_in_view_of_the_freedom_of_expression_and_protection_of_privacy.pdf
6. Hughes K. The Public Figure Doctrine and the Right to Privacy // *Cambridge Law Journal*. 2019. Vol. 78 (1).
 7. Kammourieh L., Baar T., Berens J. e.a. Group Privacy in the Age of Big Data // *Group Privacy. New Challenges of Data Technologies*, Springer International Publishing AG, 2017.
 8. Защити меня: Кибербезопасность, защита данных, конфиденциальность информации, доверие и регулирование. Всестороннее исследование предпочтений российских потребителей, их опасений, а также способов завоевать их доверие и привлечь на сторону компаний. 2018. С. 4.
 9. Noel D.W. Defamation of Public Officers and Candidates // *Columbia Law Review*. 1949. Vol. 49, No 7.
 10. Resolution 1165 (1998) — Right to Privacy // Assembly debate on 26 June 1998 (24th Sitting) (see Doc. 8130, report of the Committee on Legal Affairs and Human Rights, rapporteur: Mr Schwimmer; Doc. 8147, opinion of the Committee on Culture and Education, rapporteur: Mr Staes; and Doc. 8146, opinion of the Social, Health and Family Affairs Committee, rapporteur: Mr Mitterrand), § 7.
 11. Андрушко против Российской Федерации, жалоба № 4260/04, 14 октября 2010 г.
 12. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.un.org/ru/universal-declaration-human-rights/>
 13. Декларация о свободе политической дискуссии в СМИ (принята 12 февраля 2004 г. на 872-м заседании Комитета министров Совета Европы на уровне постоянных представителей) // Законодательство и практика масс-медиа. 2004. № 7.
 14. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в Риме 04.11.1950) [Электронный ресурс]. — URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf, дата обращения: 20.04.2018.
 15. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г.) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml
 16. Методический документ, утвержденный ФСТЭК России 5 февраля 2021 г. «Методика оценки угроз безопасности информации» [Электронный ресурс]. — URL: <https://fstec.ru/tekhnicheskaya-zashchita-informatsii/dokumenty/114-spetsialnye-normativnye-dokumenty/2170-metodicheskij-dokument-utverzhdenn-fstek-rossii-5-fevralya-2021-g>
 17. Рекомендации по составлению документа, определяющего политику оператора в отношении обработки персональных данных, в порядке, установленном Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [Электронный ресурс]. — URL: <https://rkn.gov.ru/personal-data/p908/>
 18. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».

REFERENCES

1. Toonders J. Data is the new oil of the Digital Economy [Electronic Source]. — URL: <https://www.wired.com/insights/2014/07/data-new-oil-digital-economy/>
2. Froomkin A.M. The Death of Privacy? // *Stanford Law Review*. 2000. Vol. 52. P. 1461–1543.
3. Douzinas C. The End of Human Rights. Oxford: Hart Publishing, 2000.
4. Ovey C, White R. Jacobs and White: European Convention on Human Rights: 4th ed. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 241–298.
5. Musar N.P. Personal Data Protection in View of the Freedom of Expression and Protection of Privacy [Electronic Source]. — URL: https://www.ip-rs.si/fileadmin/user_upload/Pdf/clanki/Personal_data_protection_in_view_of_the_freedom_of_expression_and_protection_of_privacy.pdf
6. Hughes K. The Public Figure Doctrine and the Right to Privacy // *Cambridge Law Journal*. 2019. Vol. 78 (1).
7. Kammourieh L., Baar T., Berens J. e.a. Group Privacy in the Age of Big Data // *Group Privacy. New Challenges of Data Technologies*, Springer International Publishing AG, 2017.
8. “Zashchiti menya!”: Kiberbezopasnost', zashchita dannyh, konfidencial'nost' informacii, doverie i regulirovanie. Vsestonnee issledovanie predpochtenij rossijskih potrebitelej, ih opasenij, a takzhe sposobov zavoevat' ih doverie i privlech' na storonu kompanij. 2018 g., S. 4. [Elektronnyj resurs]. — URL: protect-me-ru.pdf (pwc.ru)
9. Noel D.W. Defamation of Public Officers and Candidates // *Columbia Law Review*. 1949. Vol. 49, No 7.
10. Resolution 1165 (1998) — Right to Privacy // Assembly debate on 26 June 1998 (24th Sitting) (see Doc. 8130, report of the Committee on Legal Affairs and Human Rights, rapporteur: Mr Schwimmer; Doc. 8147, opinion of the Committee on Culture and Education, rapporteur: Mr Staes; and Doc. 8146, opinion of the Social, Health and Family Affairs Committee, rapporteur: Mr Mitterrand), § 7.

11. Andrushko protiv Rossijskoj Federacii, zhaloba No 4260/04, 14 oktyabrya 2010.
12. Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka (prinyata General'noj Assambleej OON 10.12.1948) [Elektronnyj resurs]. — URL: <http://www.un.org/ru/universal-declaration-human-rights/>
13. Deklaraciya o svobode politicheskoy diskussii v SMI (prinyata 12 fevralya 2004 g. na 872-m zasedanii Komiteta Ministrov Soveta Evropy na urovne postoyannykh predstavitelej) // Zakonodatel'stvo i praktika mass-media. 2004. № 7.
14. Evropejskaya Konvenciya o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod (zaklyuchena v g. Rime 04.11.1950) [Elektronnyj resurs]: — URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pd, data obrashcheniya: 20.04.2018.
15. Mezhdunarodnyj pakt o grazhdanskih i politicheskikh pravakh (Prinyat rezolyuciej 2200 A (XXI) General'noj Assamblei ot 16 dekabrya 1966 goda) [Elektronnyj resurs]. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml
16. Metodicheskij dokument, utverzhdenyj FSTEK Rossii 5 fevralya 2021 g. "Metodika ocenki ugroz bezopasnosti informacii" [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://fstec.ru/tekhnicheskaya-zashchita-informatsii/dokumenty/114-spetsialnye-normativnye-dokumenty/2170-metodicheskij-dokument-utverzhden-fstek-rossii-5-fevralya-2021-g>
17. Rekomendacii po sostavleniyu dokumenta, opredelyayushchego politiku operatora v otnoshenii obrabotki personal'nykh dannykh, v poryadke, ustanovlennom Federal'nykh zakonom ot 27 iyulya 2006 g. No 152-FZ "O personal'nykh dannykh" [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://rkn.gov.ru/personal-data/p908/>
18. Federal'nyj zakon ot 27.07.2006 No 152-FZ "O personal'nykh dannykh".